

Глава первая

Юный Патрик Деннис Мур носил самые узкие штаны во всем графстве Килкенни. Он был единственным парнем в деревне, который чистил под ногтями, а пробор в его густых и блестящих черных волосах был самым широким и аккуратным во всей Ирландии — во всяком случае, такая шла молва.

Он жил вдвоем с матерью. Патрик Деннис был последним из тринадцати ее отпрысков. Трое умерли, четверо женились. Еще троих после смерти отца отослали в приют, откуда потом отдали на усыновление или в батраки фермерам, и больше о них не было ни слуху ни духу. Еще один уехал в Австралию, другой — в Дублин. Тот, что уехал в Дублин, женился на протестантке и сменил фамилию на Мортон. С матерью остался только Патрик Деннис.

И в своем последнем чаде, Пэтси Денни, как она его называла, мать души не чаяла. В молодости она рожала как кошка. Вскармливала младенцев огромной грудью, утирала носы фартуком, отвешивала подзатыльники, обнимала и места себе не находила, когда сыновья бросали ее юбку и неуверенно ковьяляли прочь. Но стоило им подрасти и перестать отчаянно в ней нуждаться, как она теряла к ним всякий интерес.

Пэтси Денни был последышем. Когда он родился, его матери было уже далеко за сорок. (А отец умер за четыре месяца до его рождения). Обнаружив себя в положении,

она испытала благоговейный трепет, не говоря о простом изумлении, потому что уже привыкла считать себя слишком старой для деторождения. Его появление стало для нее священным чудом. Веря, что он — особый дар небес, и понимая, что больше детей у нее уж точно не будет, она излила на него всю материнскую любовь и заботу, в которых отказывала предыдущим сыновьям.

Мать называла его зеницей своего ока. Она не просила его работать и помогать ей. Она работала *для него*. Она просила только, чтобы он *жил*. Ей хотелось только одного: пусть он всегда будет с ней, чтобы любоваться на него и обеспечивать ему блага земные.

Именно мать убедила его (и он был этому только рад), что черная работа не для него. Разве не было у него талантов? Как бы не так! Взять хотя бы то, как он отплясывал джигу, с неподвижным туловищем подпрыгивая и выстукивая ногами замысловатые фигуры.

У Пэтси был друг, Малыш Рори. У друга была фидель¹. С нею Пэтси и Малыш Рори выступали в пабах. Малыш Рори наяривал смычком по струнам, извлекая из фидели неистовую и несвязную мелодию, под которую Пэтси гарцевал, семеня и подпрыгивал. Иногда им кидали медяки. Доля Пэтси была невелика — как раз хватало на своевременное пополнение запаса ярких носовых платков, которые ему нравилось носить на шее, завязывая узлом под левым ухом.

Что поговаривали про Патрика Денниса в деревне? Много плохого и мало хорошего — разве что, как он был нежен с матерью. Это была правда. Мать он любил и относился к ней как к девушке, за которой ему век суждено ухаживать.

Разумеется, возлюбленная у него была. Ей было семнадцать лет. Это была красотка с черными волосами, глаза-

¹ Струнный смычковый инструмент, прообраз скрипки. — *Здесь и далее прим. пер.*

ми цвета небесной лазури и угольно-черными ресницами. Она являла собой подтверждение легенды, гласившей, что иногда Господь делал глазки ирландским девочкам грязными пальцами. Девушку звали Мэгги Роуз Шон, и жила она вдвоем с овдовевшей матерью. Мэгги Роуз была красивой и бедной. И матери, чьи сыновья достигли брачного возраста, предостерегали их от нее.

«Что она принесет под венец, кроме своей красоты? Лепесточки с розочки быстро опадут, когда ее муженьку придется взять вместе с дочерью и мать, потому что вдова Шон не станет жить отдельно от своей единственной дочери».

«Нет, сын вдовы старуху к себе не возьмет. Это точно, ведь он у нее констебль в Бруклине, в Америке, и заколачивает прилично. Да только жена того констебля, американка вся из себя, его мать с сестрой ни в грош не ставит. Люди так говорят».

«Нет, сынок, для женитьбы есть попригоднее. Господь Бог послал миру больше женщин, чем мужчин, особенно в нашей деревне, откуда парни уезжают чуть ли не сразу, как их от груди отнимут, чтобы найти работу и кутить напропалую в Дублине или еще где, и оставляют деревенских девиц ни с чем».

Парни слушали, но посматривали на Мэгги Роуз с вождением, и многим думалось, что содержание ее приязчивой матери было вполне себе сходной ценой за такую красотку.

Но Мэгги Роуз к их намерениям была безучастна. Ее возлюбленным был Патрик Деннис. Он был тем самым, единственным.

Лиззи Мур не особенно волновалась, когда зеница ее ока начала гулять с Мэгги Роуз Шон. Она была уверена в своей материнской власти.

«Зачем это ему жениться, — говорила она, — и становиться второй скрипкой для девицы и третьей — для вдовы, когда у меня он король в доме?»

Кроме того, мать была уверена, что ее Пэтси — слишком большой эгоист и лентяй и слишком боится тяжелой работы, чтобы жениться на беднячке.

«И что она принесет с собой под венец? Ни клочка земли, ни свиньи, ни коровы, ни кошеля с парой золотых монет. Ничего! Ничего, кроме вечно причитающей матери да пачки открыток от брата, бруклинского констебля».

Она распускала про девушку грязные слухи. «Жениться, говорите? И зачем это моему младшенькому жениться на такой штучке? Мужчина женится только за одним, когда не может никак иначе это заполучить. Но уж моему-то парню для такого дела не нужно утруждаться *женитьбой* — он у меня хорош собой, и все при нем».

Патрик Деннис с Мэгги Роуз были неразлучны и днем, и ночью, кроме, разве что, того времени, когда он трапезничал со своей матерью или выступал в тавернах с Малышом Рори. Вскоре все остальные ухажеры Мэгги Роуз отступились. Пошли разговоры.

«Постыдились бы...»

«Срам-то какой...»

«Если здоровый парень с красивой девкой да неразлейвода, без греха не обошлось...»

Так судачили те, кто засиживался в тавернах. А деревенские бабы, скрестив руки на груди и поджав губы, многозначительно кивали, соглашаясь, что если эта парочка до сих пор не поженилась, то им точно следовало бы это сделать, да поскорее.

Во всем этом не было ни капли правды. Мэгги Роуз была девушка честная и добропорядочная и ходила в церковь. Но до ее матери в конце концов дошли пересуды, и миссис Шон пригласила Патрика на ужин, чтобы вывести его на чистую воду.

— Сынок, давай-ка поговорим насчет женитьбы.

— Я не против.

— Жениться?

— Поговорить.

— Уж поговорить-то ты мастер. И другим даешь повод — вон как судачат про мою единственную дочь, да про твои пакости, да про то, как ты с ней обходишься.

— Я разберусь с любым мужиком, который распускает сплетни про Мэгги Роуз, пусть он хоть великаном окажется.

— Тогда заодно и с приходскими бабами разберись, — мать Мэгги Роуз взяла быка за рога: — Когда ты женишься на моей дочери?

Патрик почувствовал себя в ловушке, и ему стало страшно. Ему захотелось убежать прочь и никогда больше не видеть ни мать, ни дочь. При этом нельзя сказать, что ему не было дела до Мэгги Роуз. Было, и еще какое. Но ему не хотелось жениться под дулом пистолета. Спас его хорошо подвешенный язык:

— Да разве не был бы я самым везучим парнем в мире, если бы мог жениться на Мэгги Роуз и если она согласилась бы за меня пойти? Но я поклялся своей престарелой матери не жениться, покуда та жива. Потому как, кто у нее еще есть в целом свете? Только я — пусть толку от меня чуть. — Он обратился к Мэгги Роуз: — Ведь тебе же не нужен парень, который жесток к собственной матери, правда?

Опустив глаза долу, она молча помотала головой: «Нет».

— Разве сын, который плохо обращается с матерью, не будет плохо обращаться с женой? Ничего хорошего из этого не выйдет. Подумай о бедных детях — слепых и увечных, — которыми Господь наказал бы нас, если бы я нарушил свое обещание бедной престарелой матери.

Он вытер глаз уголком пурпурного носового платка, завязанного узлом под левым ухом.

— Но пока ты дожидаясь смерти своей бедной престарелой матери, — заметила вдова Шон, — а стареть она будет долго и запросто доживет лет до ста, — моя Мэгги Роуз теряет возможности с другими парнями.

— Верно, верно, — простонал Пэтси, — у меня нет права стоять у нее на пути. — Он повернулся к плачущей девушке:

— Наша разлука разбивает мне сердце, милая моя Мэгги Роуз. Но разве твоя матушка не права? Я не буду стоять между тобой и каким-нибудь достойным человеком. Я должен с тобой распрощаться.

К своему собственному изумлению, Пэтси разрыдался. «Я настолько хороший притворщик или я правда ее люблю?»

Пэтси выбежал прочь из дома. Мэгги Роуз побежала за ним по тропинке, рыдая и зовя его по имени. Он повернулся и дождался ее. Она усыпала его лицо поцелуями и уткнулась мокрой от слез щекой ему в шею.

— Дорогой, не бросай меня, — всхлипывала Мэгги Роуз. — Я буду ждать тебя вечно, потому что никто другой мне не нужен. Я подожду, пока твоя мать умрет. И пусть это случится как можно позже, потому что я знаю, как ты ее любишь, и мне не хочется, чтобы ты горевал. Только не бросай меня. Не бросай меня, потому что я очень тебя люблю.

Все вернулось на круги своя. Пэтси по-прежнему ухаживал за Мэгги Роуз, и это приносило ему еще больше удовольствия, потому что он знал, что не рискует своей свободой. Конечно, он собирался когда-нибудь на ней жениться, может быть. Но пока...

Мать торжествовала. Она заявила подружкам:

— Они с матерью на пару пытались хитростью заставить моего сына жениться, и, насколько я знаю, не без причины. Может быть. Может быть, — многозначительно изрекла она. — Но даже если и так, мой Пэтси Денни к тому не причастен. С такими девками никогда не знаешь наверняка, это мог быть кто угодно.

Малыш Рори заявил Пэтси Денни, что тот везунчик.

— Разве не потому ты не идешь с девчонкой к священнику, что у ее старой коровы-матери нет мужа, а у милаш-

ки — живого отца, чтобы отбивную из тебя сделать? Нигде в мире такой свободной любви нет, вот что я тебе скажу. Даже в Америке, где свободы завались.

На душе у Пэтси было беспокойно. «Разве не должен я защитить ее от всех этих грязных сплетен, — думал он, — и отправиться с ней в церковь? Еще бы. Но разве не стану я полным ничтожеством, если женюсь на Мэгги Роуз только потому, что ее старуха мне так приказала?»

Миссис Шон то и дело подстерегала парня, интересуясь здоровьем его «дорогой матушки». «Как твоя матушка поживает?» — «Да пока ни на что не жалуется, благодарствую, что спросили. Но, — и тут он вздыхал, — стареет она, стареет». — «Так же, как и моя дочь», — горько отвечала вдова.

Вконец обеспокоившись, миссис Шон решила положить этому конец. Она приказала дочери прекратить видеться с Пэтси, или пусть та отправляется в монастырь.

— Я не стану этого делать, — заявила девушка.

— Еще как станешь. Потому что, пока тебе нет восемнадцати, я решаю, что тебе делать.

— Не заставляй меня, матушка. Иначе я... — Она запнулась, не находя подходящего слова. — Я буду вести себя с ним так, как ведут себя с мужчинами плохие девушки, на которых потом не женятся.

— Такими разговорами ты разбиваешь мне сердце и роешь могилу. А ведь ты была такой умницей, пока тебя не развратил этот подлец! Ты же каждое утро в церковь ходила, причащалась...

Миссис Шон лила слезы и причитала изо дня в день. Когда стало ясно, что толку от этого мало, она послала за Берти-метельщиком и по совместительству деревенским писарем. Берти принес с собой книгу «Послания на любой случай». Письма, полностью соответствующего случаю вдовы, в ней не оказалось. Самым подходящим было «Послание к члену семьи за море с известием о кончине близкого родственника». Берти сказал, что скопирует его и «подгонит», заменив слово

«кончина» на «положение моей дочери» везде, где встречается «кончина», и «мой высокочтимый троюродный дед Тадеуш» на «мой высокочтимый сын Тимоти».

Аккуратно адресовав письмо «Констеблю Тимоти Шону, Полицейское управление, Бруклин, США», Берти поставил на оборотной стороне конверта свой фирменный росчерк.

Глава вторая

Констебль Тимоти (Рыжий Верзила) Шон сидел в гостиной своей квартиры в Восточном Нью-Йорке. Его участок находился в районе улицы Бауэри на Манхэттене, но жил он в Бруклине, потому что, по его словам, ему нравилось жить в деревне и потому что его жена хотела жить рядом с матерью. Каждый вечер дорога домой занимала у него больше двух часов. Ему приходилось путешествовать на пароме, извозчике и пешком.

Теперь, когда рабочий день подошел к концу, он сидел у себя в гостиной в нательной фуфайке и отпаривал свои бедные ноги в лохани горячей воды с растворенной в ней «английской солью». Жесткие рыжие волоски у него на груди пробивались сквозь фуфайку, словно ржавая трава, жаждущая солнца.

— Почему ты не паришь ноги на кухне, чтобы поберечь ковер в гостиной? — спросила Лотти, его жена-американка ирландских кровей. Каждый вечер она задавала ему один и тот же вопрос.

— Потому что мой дом — моя крепость, — каждый вечер он давал на него один и тот же ответ.

Он оглядел гостиную своего замка. На узких окнах, выходивших на улицу, висели тюлевые занавески. Они были покрыты копотью, но накрахмалены. Между окнами стоял табурет, подделка под китайский. Он служил подставкой для каучуконосного фикуса в глазированном зеленом горшке. На кончике полураспустившегося верхнего листка

у фикуса всегда белела капля каучука. Каминную полку из фальшивого мрамора над камином из фальшивого оникса украшал аляповатый ламбрекен с бахромой. На каминной полке лежала на боку фарфоровая мопсиха с лежащими в ряд четырьмя щенятами, навеки застывшими в акте поглощения материнского молока.

— У нас снова завелись клопы, — заметила жена, чтобы поддержать разговор.

— И откуда эти паразиты ползут?

— От соседей сверху. Они *всегда* ползут от соседей сверху. И тараканы тоже от них.

— Ну, скажем, в Букингемском дворце клопы тоже водятся, — Тимоти понюхал воздух. — Что у нас на ужин?

— Сегодня на ужин вареная солонина с капустой — весь день ушел на стирку.

— Если мне что-то и нравится, так это твоя солонина с капустой.

— Так идем ужинать?

— Обожди, — он вытащил ногу из лохани и посмотрел на закапавшую с нее воду. — Нет пока. Ноги еще не готовы.

Тимоти был доволен. Он с любовью посмотрел на жену. Она начесывала прядь волос — натягивала один волосок и взбивала остальные в спутанный ком вдоль него.

Тимоти гордился женой. Как бы она ни утруждалась работой по дому или заботами об их сыне, она всегда наряжалась к его приходу. Влезала в корсет и привязывала турнюр (без которого прекрасно могла обойтись) и прикалывала к корсажу кружевное жабо (без которого тоже прекрасно могла обойтись). Турнюр с жабо добавляли ей пышности, а Рыжий Верзила любил пышнотелых.

Ее пепельно-белокурые волосы вились волнами и укладывались высоко надо лбом в «помпадур» с валиком внутри. Именно так она укладывала волосы, когда он впервые ее встретил, и за десять лет ни на йоту свою прическу не изменила.

Итак, Рыжий Верзила сидел у себя в гостиной, довольный жизнью, парил ноги и старался ни о чем особо не думать. Лотти складывала полотенца, напевая себе под нос песенку мороженщика:

...в одном я уверена буду,
Есть что-то в его ремесле,
Что снижает его температуру.

— А где Уидди? — спросил Тимоти.

— Он у мамы. Сегодня ужинает с ней.

— С чего это вдруг?

— Да вот, мама взяла его с собой к мяснику, а в лавке на бочке развесили неосвежеванных кроликов. Ну ты представляешь. В общем, Уидди захотелось кроличью лапку на счастье, а мясник ее одну продавать отказался, поэтому маме пришлось купить целого кролика, а одной ей его не съесть, поэтому Уидди ужинает с ней.

Лотти встала, подошла к мужу и провела пальцами по остаткам его рыжих кудрей.

— Почему ты сразу не сказала?

Тимоти шлепнул ее по задку. Раз сына дома не было, он решил, что можно повольничать. Он вытащил из лохани одну ногу. Она походила на ногу мумии.

— Вот что, Тимми. Суши-ка ноги и спускайся к Майку, выпей пинту пива, а потом поедим.

— Так и сделаю.

Тимми явно что-то беспокоило.

— Но сначала... Сегодня я получил письмо. Оно пришло в участок. — Он застыл на месте, потянулся рукой за спину и вытащил из заднего кармана конверт.

— От кого?

— От матери.

— И чего ей еще нужно?

— *Еще?* Разве после ее последнего письма не пять лет прошло?

— Что она пишет?

— Не знаю. Я собирался прочитать вместе с тобой.

— Ой, Тимми, да будет тебе. Ты мог прочитать его в участке.

— У нас с тобой секретов нет.

— Знаю. Потому-то мы и живем душа в душу.

— Из Ирландии, — он повертел конверт в руках. — Графство Килкенни.

Голос у Тимоти стал мечтательным:

— Ах, Лотти, я прямо вижу все это перед собой, поля, луга и все такое. И матушкину дерновую хибару, у которой с крыши вечно сдувало тростник, и глиняный очаг, и черный котел на печной полке, и тощую корову с костлявыми курами, и картошку, которую мы выковыривали из земли...

«И, — подумала Лотти без горечи, — свою мамашу, которая раз в месяц выходит на порог и тянет руку за письмом с десятью долларами, что он ей посылает, а от нее с его сестрицей не дождешься ни «да», ни «нет», ни «иди к черту».

Тимми продолжал грезить вслух:

— ...И гулянки по деревне, и девицы без корсетов, которые подворачивали подол, чтобы было видно красную нижнюю юбку, с волосами, развевающимися на ветру... — Он вздохнул. — Вот так-то. И я не вернулся бы туда и за миллион долларов.

— Ты будешь читать письмо, — его жену слегка задело упоминание девиц без корсетов, — или повесишь его в рамку?

Тимоти распечатал конверт и прочитал:

— «Высокоцитимый сын, я беру в руки перо, чтобы составить сие скорбное послание...»

— Матушка не умеет ни читать, ни писать, — пояснил он.

— Давай дальше! — с недоверием воскликнула Лотти.

— Это написал метельщик Берти. Бьюсь об заклад, он все еще жив! Надо же, ему сейчас должно быть уже лет семьдесят... нет, восемьдесят...

— Будешь читать или повесишь в рамку?

Тимоти принялся читать дальше: